

Издательство АСТ
МОСКВА

Иногда я испытываю опасное искушение, — сказал Нумминорих. С этими словами он провалился в ад. И правильно. Чего тянуть.

По удачному совпадению, дело происходило в столице Соединённого Королевства, а здесь в ад не просто никто не верит, его даже умозрительно, как идею вообразить вряд ли кто-то способен, кроме редких представителей иных культурных традиций, вроде меня. Но моей способности вообразить что бы то ни было всё-таки недостаточно для его немедленного овеществления. Я не настолько крут.

Поэтому местному человечеству придётся и дальше обходиться без ада. Но это не страшно, жизнь и без ада вполне ничего. Достаточно сложная штука, чтобы не заскучать. Она полна сюрпризов, в частности ям и оврагов. Или канав. В общем, я точно не знаю, как следует классифицировать углубление в земной поверхности, в которое внезапно провалился мой собеседник. Я никудышный геодезист. Строго говоря, я вообще никакой не геодезист, а часть той силы, что в любой непредвиденной ситуации желает оказаться где-нибудь на другом краю Мира, но неизменно приходит на помощь пострадавшим — а куда деваться? Если уж твой спутник внезапно провалился в неподдающуюся классификации яму, надо его оттуда вытаскивать, иначе останешься один, как дурак.

* * *

— Я, в общем, подозревал, что дороги в этой части города находятся в довольно плачевном состоянии, но чтобы настолько... — удивлённо заметил Нумминорих после того, как я помог ему выкарабкаться из канавы.

К счастью, в результате падения пострадала только его одежда, а это вообще не проблема. Для быстрого приведения костюма в порядок в Мире существует Очевидная магия. Разнообразных магических способов почистить одежду так много, что иногда мне кажется, магию изобрели специально для этого, а все остальные трюки придумали позже — надо же было чем-то занять внезапно освободившиеся от стирки и глажки руки.

— А куда мы вообще забрели? — спросил я, оглядываясь по сторонам.

Я уже довольно давно живу в столице Соединённого Королевства, к тому же питаю слабость к пешим прогулкам, успешно заменяющим мне горькое пьянство, буйный разврат, и какие там ещё бывают нормальные человеческие пороки. Поэтому был уверен, что неплохо изучил город. Но бескрайний пустырь, посреди которого мы с Нумминорихом оказались, не вызывал у меня даже смутного узнавания. Ещё и ночь выдалась пасмурная, небо сплошь затянуто тучами; в результате, темно, хоть глаз выколи. Я неплохо вижу в темноте, но ночью всё выглядит настолько иначе, что даже исхоженный вдоль и поперёк соседний переулок можно не узнать.

— Это уже совсем рядом с Новым городом, — объяснил Нумминорих. — До моего дома отсюда примерно полчаса — если сможем достаточно быстро выйти на нормальную дорогу, что, честно говоря, совсем не факт. Я нарочно повёл тебя круглым путём: на ходу хорошо говорится...

— Да не то слово, — ухмыльнулся я.

— Ладно тебе, мы же не каждые пять минут в ямы падаем. За всю прогулку вообще в первый раз.

И ведь не возразишь. Но я всё равно возразил:

— Главное начать, дальше дело пойдёт веселее. В смысле, будет больше хороших, глубоких ям.

— Такое вполне возможно, — неохотно признал Нумминорих. — Я так увлёкся разговором, что сам немного заплутал.

Я не стал предлагать ему выбираться отсюда Тёмным Путём. И сам понимал, что это неспортивно. К тому же Нумминорих только начал рассказывать про интересное. В смысле, про опасные искушения. Такие разговоры я очень люблю.

— Так что за искушение ты испытываешь? — напомнил я после того, как Нумминорих неуверенно ткнул пальцем в каком-то сомнительном направлении, и мы наконец тронулись в путь. — Ты так и не договорил.

— Остаться в другой реальности, — объяснил Нумминорих. — Не навсегда, конечно, но хорошенько так задержаться, надолго. Хотя бы на год; лучше — больше. По-настоящему там пожить.

Теперь явно была моя очередь проваливаться в ад, или хотя бы в канаву — просто чтобы отвлечься от необходимости осознать услышанное. Но я не справился с этой задачей. Всё-таки слухи о силе моих желаний сильно преувеличены. Даже самую обычную умеренно глубокую яму под ногами в нужный момент не могу для себя сотворить.

— Хренасе у тебя искушения, — наконец сказал я.

— Сам удивляюсь, — легко согласился Нумминорих. — Совершенно на меня не похоже — испытывать желания, которым лучше бы не сбываться. Мне же там даже не особо нравится. Ну как, «нравится», «не нравится» — не разговор. Я пока просто не знаю, как там всё устроено, по моему вку-

су или нет. Но чужие запахи почти невыносимы — понятно, что просто с непривычки, но пока оно так. И не только запахи, есть кое-что похуже. Такое, знаешь, явственно ощущаемое сопротивление, моё собственное, внутреннее и одновременно внешнее, неведомо чьё, но скорее всего самого незнакомого, чужого мира — тебя здесь не должно быть. В этом вопросе мой организм и иная реальность на удивление единодушны. Понимаешь, о чём я?

Я молча кивнул. Ещё бы я не понимал.

— Поэтому всякий раз...

— «Всякий раз»? — перебил его я. — То есть погоди. Ты уже много раз в одиночку путешествовал между мирами?!

— Всего шесть, — признался Нумминорих.

— Ну ты даёшь, — вздохнул я.

Других комментариев у меня пока не было. Вернее, были, но в таких выражениях, которых не только Нумминорих, а вообще никто во Вселенной не заслужил.

— Это, наверное, самое захватывающее приключение из всех, что у меня были, — мечтательно сказал он. — В одиночку путешествовать через Хумгат, ни с кем не посоветовавшись, никого не предупредив, даже без формального разрешения, которое по-хорошему, наверное, надо было бы получить. Свинство, конечно, с моей стороны — ничего тебе не рассказывать. Но оказалось, это очень здорово — иметь такую тайну. Вдруг остаёшься с Миром один на один, без защитников и посредников. И чувствуешь, что Мир принимает тебя всерьёз, практически на равных. Удивительное ощущение!

— Твоя правда, — согласился я.

Очень неохотно согласился, поскольку ясно понимал, что, если этот красавец однажды заблудится в Коридоре между Мирами, или застрянет в чужой реальности, это будет моя проблема. В смысле, не кому-то, а именно мне придётся его искать. Как — отдельный вопрос, ответа

на который я не получу, пока не сделаю. Честно говоря, я бы с удовольствием отложил эту интересную задачу на пару десятков тысяч лет.

С другой стороны, объективно за Нумминориха можно было только порадоваться: одинокие путешествия через Хумгат, о которых никто не знает, — отличное занятие для начинающего мага. То есть для Нумминориха, меня самого и ещё кучи народу, включая сэра Джуффина Халли и его всемогущих древних учителей. По большому счёту, в магии все всегда начинающие. Даже те, кто практикует её много тысяч лет.

Поэтому я не стал оглашать окрестности бескрайнего пустыря бессвязными бранными выкриками, а просто сказал:

— Ты очень крутой. Мне и в голову не приходило, что ты уже можешь вот так запросто в одиночку путешествовать между мирами...

— Так ты же сам меня научил, — напомнил Нумминорих. — Я, собственно, потому и решился на самостоятельные путешествия, надо же тренировать полученный навык. Было бы очень обидно его утратить и потом начинать всё сначала.

— ...но круче всего, что ты только сейчас проболтался, — закончил я. — Вот это действительно великий подвиг. Тайны — дело хорошее, и ощущение, что Мир принимает тебя всерьёз, дорого стоит, ты прав. Но лично меня разорвало бы, если бы никому не растрепал.

— Ну, мне в этом смысле гораздо легче, — улыбнулся Нумминорих. — У меня есть жена.

— Брачные узы каким-то образом ослабляют желание хвастаться? — удивился я.

— Самым простым: когда становится совсем невмоготу, можно похвастаться жене. Благо Хенна не хуже сэра Джуффина умеет восхищаться, выпрашивать подробности

и делать большие глаза в нужных местах. И молчать она тоже отлично умеет, если её об этом попросить.

— У твоей жены железные нервы, — заметил я. — Мне и то не по себе стало, когда узнал о твоих прогулках между мирами, а уж ей-то впору сразу сойти с ума. Или Хенна думает, это совершенно безопасно — всё равно, что в соседнюю лавку сходить?

— Хенна не настолько наивна, — улыбнулся Нумминорих. — То есть она вообще ни на сколько не наивна, ни капельки, совсем! Просто точно знает, что со мной ничего ужасного не случится, я не погибну, не пропаду и не сгину, пока наши дети не вырастут. Я в своё время дал ей такое специальное твёрдое обещание, которое невозможно нарушить, даже если очень захочется. Но мне и не хочется. Зачем это вдруг погибать?

— Да, точно. Специальный древний обет, названный по имени кого-то доисторического*, — вспомнил я. — Ты об этом как-то рассказывал, но у меня вылетело из головы, что ты настолько неуязвимый. Это, конечно, круто. Особенно меня радует, что твоим детям до совершеннолетия пока ещё далеко; пока они подрастут, глядишь, я успею научиться спасать всё, что шевелится, не вставая с дивана, одним мановением руки... Но твоё искушение мне всё равно не нравится.

— Оно мне самому не нравится, — кивнул Нумминорих. — Поэтому я и решил всё тебе рассказать. Когда так

---

* Обет Лаллориха, названный так в честь одного из соратников Ульвиара Безликого, который то ли придумал такой способ держать слово, то ли просто был первым, кому пришлось испытать силу обета на себе, — этих подробностей история, увы, не сохранила. Своего рода заклинание, подчиняющее не волю приносящего обещание, а обстоятельства, которые будут вынуждены содействовать его выполнению.

сильно хочется надолго задержаться в месте, где чувствуешь себя настолько чужим, что даже дышать трудно, — это здорово смахивает на безумие. А я предпочёл бы оставаться в здравом уме. В юности я, как многие, думал, что быть безумцем гораздо интересней, чем нормальным человеком, но с тех пор, как учился на знахаря и проходил практику в Приюте Безумных, точно знаю, что это не так.

— Всё-таки вряд ли ты сходишь с ума, — сказал я. — Просто все реальности разные, каждая со своим характером. И среди них встречаются жадины: любого пришельца норовят захватить себе навсегда. Ну или не любого, а только того, кто очень понравится. Но маги обычно всем сразу нравятся, вот в чём наша беда. Меня самого знаешь сколько раз пытались оставить в коллекции? У-у-у, даже вспоминать не хочу! Тебе, на самом деле, ещё крупно повезло отделаться всего лишь желанием задержаться подольше, которое даже тебе самому кажется странным. На фоне того, как обычно бывает, когда хищная реальность разезает пасть на вкусного и полезного юного мага, это вообще не проблема. Главное — память о себе не потерять.

— Не потеряю, — улыбнулся Нумминорих. — Тут мне крупно повезло, я же учился у Тубурских сновидцев. И с тех пор привык в любой ситуации, включая обыденные и привычные, первым делом вспоминать, кто я. «Я — Нумминорих Кута, нюхач из Ехо», — иногда пару сотен раз за день успеваю повторить, наяву, во сне, на Тёмной Стороне и в Хумгате... Кстати, в Хумгате это здорово помогает не растеряться и не забыть, куда собирался пойти. Потому что вообще-то ещё как можно! Я там всегда хочу сразу всего и одновременно ничего конкретного. Но стоит сказать себе: «Я — Нумминорих Кута», — и это почему-то очень отрезвляет. У меня есть обычное человеческое имя, значит, я — просто человек. А у людей всегда есть какие-то понятные дела, цели, желания, вот и у меня тоже...

— Ты очень крутой, — повторил я.

Хотя, наверное, лучше бы всё-таки начал ругаться. Потому что чёрт знает что творит этот псих, за которого я, по идее, несу ответственность. Или уже не несу, раз он и правда такой крутой? Сложный вопрос.

Ну или наоборот, гораздо более простой, чем мне хотелось бы. Потому что, по моим ощущениям, я несу ответственность вообще за всё происходящее во Вселенной, включая ритуальный танец пятисотлетней шаманки Беруди-Ай-Им-Пшутто из племени Кубарачей, обитающего в вечноснежных степях материка Улимхайя на планете Зузадда, что вращается вокруг красной звезды Юль-Камыс — так вот, если достопочтенная дама споткнётся во время своего ритуального танца, все претензии ко мне, это я не уследил. И тот факт, что ни её самой, ни племени Кубарачей, ни планеты Зузадда, ни даже красной звезды Юль-Камыс, скорее всего, не существует, не снимает с меня ответственности, данной мне исключительно в ощущениях, но этого совершенно достаточно. Всё равно кроме ощущений у меня ничего толком нет.

А Нумминорих как минимум ничем не хуже этой наско-ро выдуманной шаманки. Поэтому шансы, что я однажды перестану чувствовать ответственность за его жизнь и рас-судок откровенно невелики.

Но это исключительно мои проблемы. Нумминорих совершенно точно не должен от них страдать. Поэтому я не стал хмурить брови и изрекать мрачные пророчества с целью надолго отбить у него охоту самостоятельно путешествовать между мирами. А просто сказал:

— Хорошо, что у тебя есть такая подготовка. И это твоё магическое обещание не сгинуть, пока дети не подрастут. С такими козырными картами вполне можно позволить себе флиртовать с иными реальностями. Без них тоже можно, просто ставки будут повыше. Ну и не факт, что непременно

повезёт. Впрочем, мне до сих пор везло, как видишь. А у тебя удачи побольше моего.

— Так и знал, что тебе можно всё рассказать! — обрадовался Нумминорих. — И ты не запретишь продолжать в том же духе. И не наложишь на меня какое-нибудь специальное заклятие, препятствующее путешествиям между Мирами, до тех пор, пока опыта не наберусь.

Отличная, между прочим, идея, мрачно подумал я. Но вслух сказал:

— Если запретить, как же ты этого грешного опыта наберёшься? С запретами вечно такая проблема.

— Многие так рассуждают, — улыбнулся Нумминорих. — Но как доходит до дела, сразу решают, что проще всё-таки запретить.

— Им, наверное, действительно проще. А для меня это и есть самое сложное — кому бы то ни было что-нибудь запретить, — признался я. — Сам знаешь, у меня довольно специфическая разновидность могущества: достаточно щёлкнуть пальцами, и мой Смертный Шар лишит воли любого, от королевской особы до воскрешённого мертвеца. С тех пор как я в первый раз проделал этот фокус, нет для меня ничего ужасней чужого повинования. И ничего гаже отдающего приказы себя. Иногда всё равно приходится — и Смертные Шары метать, и просто командовать, потому что другого выхода нет. Но чем реже меня будет тошнить от себя, тем лучше. Причём сразу для всех.

— Я не знал, что ты так к этому относишься, — удивился Нумминорих. — Думал, тебе всё легко — могу колдовать, могу не колдовать. А Смертные Шары так редко пускаешь в ход, потому что это слишком просто и не особенно интересно — всё равно, что сейчас уйти отсюда Тёмным Путём прямо в мой сад.

Нарисованный им образ восхитительно могущественного балбеса, способного отказаться от магии только пото-

му, что она чересчур упрощает жизнь, так мне понравился, что я поспешил согласиться:

— На самом деле, правильно думал. Примерно так и есть — пока я не начинаю, горестно заламывая руки, рассказывать о потаённых безднах своей непростой души. Видимо, у меня врождённый талант из всего делать драму. Должен же он как-то реализоваться. Пьес-то я не пишу.

— Может быть, зря, — совершенно серьёзно сказал Нумминорих. — У тебя отлично бы получилось. Возможно, твои пьесы даже помогли бы возродить пришедшее в упадок искусство театральных представлений. Энтузиасты сейчас очень стараются, но на старом классическом материале их шансы заинтересовать широкую публику, сам понимаешь, невелики.

Рассуждать о возрождении театральных традиций Нумминорих мог бы до утра, причём послезавтрашнего. Сразу видно человека, недавно обедавшего с леди Кенлех. В глубине души я уверен: Кенлех кусает всех, кто попадает на её пути, и несчастные со страшным воем превращаются в завязтых театралов. Только своего мужа она почему-то великодушно щадит, по крайней мере, сэр Мелифаро так до сих пор и не увлёкся старинным театром, даже толком не научился делать вид, будто ему интересно, хотя временами очень старается, чтобы не обижать жену.

Меня леди Кенлех тоже пока пощадила, поэтому смена темы не вызвала у меня особого энтузиазма. И я решительно вернул Нумминориха с неба на землю. Можно сказать, сверг с театральных подмостков обратно в Хумгат. Сказал, старательно имитируя фирменную преувеличенно спокойную интонацию сэра Шурфа Лонли-Локли, от которой даже самым безудержным оптимистам обычно становится не по себе:

— А что касается искушения, о котором ты говорил, не вздумай ему поддаваться. Самая большая засада не в том,

что тебе там не особо уютно. И даже не в том, что тебе вряд ли понравятся правила, которые придётся соблюдать, полноценно включившись в чужую жизнь. Хуже другое: надолго задержавшись в чужой реальности, можно однажды проснуться человеком, физически не способным попасть в Хумгат...

Лицо Нумминориха явственно вытянулось.

— А что, и так бывает?

— К сожалению, да. Реальность, частью которой мы неизбежно становимся, включаясь в поток её повседневной жизни, постепенно изменяет нас. И далеко не всегда к лучшему. Когда мы совершаем короткие путешествия между Мирами, изменения не успевают даже начаться, поэтому, в общем, всё равно, куда нас занесло. Но места для длительных остановок надо выбирать с умом. Существуют миры, исполненные магии — настолько, что по сравнению с ними у нас, можно сказать, вообще никакой магии нет. Говорят, в древности находились безумцы, которые нарочно отправлялись в подобные места и старались задержаться там подольше. Не всем удавалось уцелеть, но те, кому удавалось, возвращались домой такими могущественными колдунами, что земля не могла их носить; кстати, я слышал, именно из-за них и возникла вернувшаяся сейчас мода ходить, не касаясь земли, чтобы наглядно продемонстрировать свою крутость...

— А когда надолго задерживаешься в реальности, где магии гораздо меньше, чем у нас, можно постепенно перестать быть магом? — перебил меня Нумминорих.

— Именно это я и хотел тебе сказать. Я сам в своё время несколько засиделся в подобном месте. Хвала магистрам, не настолько долго, чтобы совсем разучиться. Но знал бы ты, как мне было страшно в Коридоре между Мирами после долгого перерыва. Мне! Страшно! В Хумгате! Звучит, как полный абсурд.